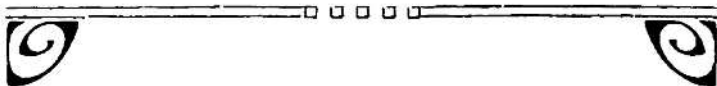

□ □ □ □

ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

□ □ □ □

**Читайте романы
Юлии Нелидовой
в серии «Губернский детектив»:**

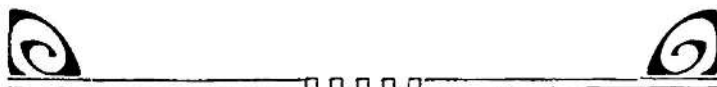
Дело о бюловском звере

Тайна «Железной дамы»

Секрет индийского медиума

Дело о сорока разбойниках

Тайна стеклянного склепа

**ЮЛИЯ
НЕЛИДОВА**

**ТАЙНА
СТЕКЛЯННОГО
СКЛЕПА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Н49

Оформление серии *С. Курбатова*

Нелидова, Юлия.

Н49 Тайна стеклянного склепа : [роман] / Юлия Нелидова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Губернский детектив. Романы Юлии Нелидовой).

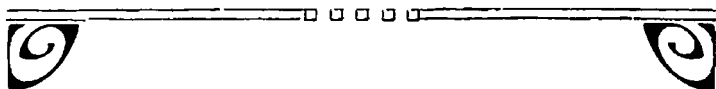
ISBN 978-5-04-097167-1

1907 год. Бывшему адвокату Эмилю Гершину, вернувшемуся из длительного путешествия по Гималаям, предстоит разгадать загадку смерти доктора Иноземцева. Для этого ему придется столкнуться с жертвами экспериментов над искусственной жизнью, раскрыть тайну стеклянного склепа на острове Лонг-Айленд и даже принять участие в кругосветном ралли Нью-Йорк — Париж... И конечно, в деле не обходится без коварной и обольстительной авантюристки Ульяны-Элен Бюлов-Иноземцевой...

УДК 821.61.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097167-1

© Нелидова Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава I

Яд для черной богини

Синий и Зеленый дружно кивнули. Последняя битва состоится.

Я поднялся. Быстрым движением окунул руку в карман и, вынув, протянул ее Элен. На ладони лежала пилюля с ядом.

Мадам Бюлов удивленно приподняла бровь. Свет единственной свечи озарил на лице неподдельное удивление, руки дрогнули — серебряная вилка со звоном стукнулась о фарфор.

— Что это, Емельян Михайлович?

Я молчал, настойчиво протягивая ладонь, слова, как назло, застряли в глотке.

— Месье Герши? — отозвался Иноземцев из темноты с другого конца стола.

Что это был за странный голос! Я никак не мог привыкнуть к этому звуку. Металлический, дребезжащий, не живой, не человеческий голос, словно кто-то говорил в пустую консервную банку, скрежетал железом по стеклу, словно это была плохая запись на фонограф Эдисона, которую нарочито растягивают и видоизменяют. По его звучанию не было понятно, кому он принадлежит — человеку ли, механизму. И даже мягкое звучание французского, на котором доктор предпочитал говорить, не спасало.

Тревога его придавала мне уверенности — прикованный к стулу в своем неизменно погруженном во тьму

углу длинного обеденного стола, лишенный возможности участия в общем действе, он казался теперь жалким и беспомощным. С тех пор как появился на пороге этого дома, я ни разу не видел его лица, но что-то мне подсказывало — сейчас оно искажено ужасом.

Кроме него и Элен, в столовой никого не было. Но я знал, что за нами, возможно, наблюдают незримые стражи — преданные куклы доктора, и обвел темноту комнаты взглядом в поисках оружия. Если не удастся пустить в дело яд, то один точный удар решит мой ставший бесконечным вопрос. Сегодня или никогда. Я вдруг ощутил прилив небывалого умиротворения. О, неужели наконец-то моя душа будет свободна...

— Это яд, мадам, — любезно объяснил я. Я старался быть любезным. Я не убийца, я не негодяй. Они должны были это знать. Я лишь явился исполнить свой долг.

— Что-что? — с недоверием хохотнула Элен.

— Это яд, мадам. Я должен был сразу сказать вам о цели своего визита. Я прибыл в Нью-Йорк убить вас.

— Герши! — вновь выкрикнул Иноземцев из темноты. — Что ты, черт возьми, мелешь?

— Это истинная правда, доктор.

— Это месть? Месть спустя семнадцать лет? Ты все еще держишь обиду? — продолжал дрожать от трусливого беспокойства этот металлический голос. Еще одна фраза, сказанная с надрывом, и он в очередной раз изойдет кашлем и лишится своих искусственных голосовых связок. Мне не было его жаль.

— Нет, доктор, это вовсе не обида и не месть. Но мне придется убить вашу супругу, потому как она не та, за кого себя выдает.

Элен прыснула.

— Вы вдруг вспомнили Тею-Ра? — расхохоталась она.

— Почти. Но боюсь, вы даже не Тея-Ра. Вы — Черная! Черная богиня Кали! Черная Шридеви.

Когда я поведал чете Иноземцевых о Кали, те разом издали облегченное восклицание. Оказалось, разговаривая сам с собой, я не раз называл имя черной богини вслух, но, о удача, никто не связывал божество с именем мадам Бюлов. И Иноземцев вдруг как-то даже успокоился. Откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Вот видите, Герши, а говорили, ничего с собою не привезли из Тибета.

Меня ввергло в недоумение холодное спокойствие доктора, будто буря миновала, будто они больше не видели во мне никакой опасности. На короткое мгновение я опешил, а следом вознегодовал, как всякий маньяк, тщательно готовящий преступление, но который вместо предполагаемого триумфа просто сел в лужу.

— Я открыл ваше инкогнито, Элен Бюлов! Вам придется вернуться в небытие. Сегодня последний вечер Кали-юги, — вскричал я почти обиженно.

— Послушайте, Герши. Вы не в себе, — кротко начал доктор. Я видел, как в темноте соединились кончики его упакованных в перчатки пальцев; он вновь почувствовал свое превосходство. — Вы больны. Возможно, даже серьезно. Одержимость — одно из состояний деменции. И я могу предложить вам лечение. Я могу помочь вам выпутаться из сотворенных вами лабиринтов...

— Нет, это вы одержимы, — оборвал я довольно резко. — Иначе бы не обматывали себя бинтами, не носили маску, не прятались по темным углам, как крысы, не прятали того, что рано или поздно будет открыто. Предел существования любой тайны — вопрос времени. Так может ли врач, не обладающий ясностью рассудка, излечить того, кто потратил на поиск истины и исцеления семнадцать лет в самом сердце Тибета!

Стрела достигла цели — Иноземцев проглотил язык. И, успокоенный, я одернул полы пиджака и вернулся взглядом к глазам мадам Бюлов. Моя рука, вновь протянувшая пилюлю с ядом, дрогнула.

За столом напротив восседало черное, покрытое шерстью четырехрукое существо, в одной руке оно держало трезубец, в другой — чью-то отрубленную голову, в третьей — секиру, четвертой тянулось к моему горлу, на шее позвякивала гирлянда из черепов. На короткое мгновение мадам Бюлов сбросила свое человеческое обличье и наконец предстала во всей своей красе. Глаза горели и смеялись, на губах играла самодовольная улыбка победителя — уже знакомая мне и триллионы раз виденная.

Разумеется, предложить самой Кали просто выпить яд, было бессмысленно.

— Хорошо, Герши, — сказала она. — Давайте играть?

И я вновь увидел Элен Бюлов прежней. Видение исчезло.

— Ульяна, нет, никаких игр с пациентами, — возразил Иноземцев. — Послушайте, Герши, в самом деле. Мы живем в двадцатом веке, а не во времена Рамаяны и Махабхараты. Уже давно перестали решать споры ядом.

— Доктор, вы слепы! Элен — не человек. Она сгусток энергии, которой собралось слишком много, достаточно, чтобы приобрести человеческое обличье. Энергии разрушения, разложения. Она есть эрозия! И если тело ее столь же бrenно, то дух — всемогущ. Оглянитесь на свою жизнь и поймите наконец: вы, точно загнипнотизированный, следуете за ней прислужником, подручным, исполнителем ее губительных идей. Она сеет зло вашими руками. Вы вечный раб темных сил.

— Ванечка, ты рискуешь поверить господину бывшему адвокату. — Элен прыснула. — Он толкует весьма убедительно.

Иноземцев молчал. Но спустя минуту он изрек, совсем тихо, почти с мольбой:

— Герши, давайте потолкуем об этом наедине?

Я опустил руку с ядом, отодвинув стул, сделал шаг назад. Сегодня или никогда. И обвел глазами столовую, ища что потяжелее. Я стал всерьез опасаться, что если

Кали примет свой черный облик еще раз, то в нем и останется. И тогда мне ее не одолеть — разрушит полмира.

— А я предлагаю потолковать об этом сейчас, — преврала Элен мои лихорадочные соображения. — Хотите пари, Герши?

— Пари с черной богиней Кали? — фыркнул я. Я, конечно же, вложил в эту фразу все свои негодование, ярость, презрение и вызов. Но вышло довольно жалко. Будто Герши был обезьянкой, у которой пытались выманить похищенные спички.

— Пари с черной богиней Кали, — ответила она с наигранным утверждением. Так обычно разговаривают школьные учительницы.

— Ульяна, это кощунство — обманывать больных, — сказал доктор по-русски.

Я бросил на него ненавидящий взгляд.

— Я вовсе не болен, — ответил я тоже по-русски.

— Ванечка, ты не прав, ты, как всегда, свысока взираешь на тех, кто мыслит не вполне обычно. А вдруг и вправду я и есть эта самая богиня?! Как вы, Емельян Михайлович, ее называли? Ах да! Кали, да, помню. Ее еще с черной кожей изображают и с четырьмя руками. Я, Ванечка, всегда в себе ощущала силы, во много раз превосходящие человеческие. Много думала об этом. Были времена, когда на меня что-то находило... необычайное чувство, будто готова взмыть к небесам. Вы знаете, как я страдаю! Страдаю от того, что до сей минуты не с кем было поговорить о моем божественном происхождении. Вот так всегда! Никто и не ценит моего удивительного дара. Да-да, совершенно никто...

— Ульяна, не нужно, — прошипел доктор.

— Позволь самой решать, — шикнула она в ответ. — Итак, месье, — она вновь заулыбалась мне, — сядьте, пожалуйста. Будет весьма приятно побеседовать о том, что давно не дает мне покоя. Тем более с вами, человеком, который собаку съел в вопросах божественного! Шутка ли — семнадцать лет в Гималаях.

Я сел, продолжая гипнотизировать Элен взглядом охотника, готового в любую секунду сорваться с места и нанести удар. Я даже выработал план нападения. Перевернуть стол и напасть сверху. Но я хотел все же, чтобы она приняла яд. Яд был гуманным решением.

— Не всегда боги отправляют братьев и сестер своих с небес на землю помнящими о своей силе. Приходится восстанавливать свою память с нуля. Верно? — продолжала она, с трудом сдерживая улыбку. Она хотела казаться серьезной.

— Верно, — нехотя отозвался я.

Доктор недовольно хмыкнул.

— По крупице приходится собирать свое умение и силу. Так?

— Так, — согласился я.

— Должна признать, я все еще очень неловка в магии, чтобы сопротивляться вам. Сказать проще, я так же беззащитна перед вами, как жертва перед убийцей.

Я проглотил намек. Элен Бюлов пыталась надавить на мои жалость, честность, благоразумие.

— Ваших сил достанет, чтобы творить беззакония, — буркнул я; невольно вновь обида скользнула в моем тоне. — Их доставало и два десятка лет назад. Страшно подумать, на что вы способны сегодня.

— Бросьте, Эмиль. Да, раньше было дело, я любила поразвлечься, но ныне мною движет лишь одно желание — покой. Я стала совсем старушкой, Герши. Сфера моих интересов — теплый плед и увлекательная книга на ночь.

— Все, что я вижу вокруг, — хорошее основание не верить вам. Вы создаете свою империю, а доктор, точно бурый волк из Лукоморья, служит вам верою и правдою, ни на секунду не задумываясь, какую роль играет. Вы превратили честного, благородного, с возвышенной душой человека в паука.

— О, да, в этом вы правы. В паука, — непринужденно рассмеялась мадам Бюлов. И развернувшись вполборота крикнула: — Несите ужин!

Мне показалось, что под невинной фразой «несите ужин» пряталась команда «убить его». И тотчас вскочил, опрокинув стул. Вскочил и доктор, но остался в своем темном углу. А угла своего — я был в этом уверен — он ни за что не покинет.

— Джентльмены, — весело воскликнула Элен. — Да успокойтесь вы! Сядьте! Будет! Сейчас мы уладим это странное недоразумение, пожмем друг другу руки и примемся за прекрасное овощное рагу, приготовленное по старинному индейскому рецепту.

Я послушно поднял стул и вновь уселся. Доктор тоже сел.

— Итак, что мы имеем, — продолжила Элен, ей удавалось сохранять легкость и задор. — Меня только что причислили к лику богов. Это — во-первых. Герши, я бесконечно польщена, правда! И не отказываюсь от этого почетного статуса. Но вот беда, мне придется внести плату за свое членство в клубе саморожденных. И плата — моя жизнь. Это — во-вторых. Скажите, Эмиль, правильно ли я вас поняла?

— Правильно. Вы умрете сегодня.

— Имею ли я право на последнее желание?

Я стал размышлять. В игры с богами играть бесполезно; такая игра не сулит побед, какую лучинку ни вытяни, всякая будет короткой. Но я не имел права отказывать в последнем желании. И раз уж я рожден победить черную богиню, то какие бы преграды она ни учиняла, я одержу верх.

— Имеете.

— Тогда я хочу пари.

И снова обернулась к двери, щелкнув пальцами.

— Будьте любезны сегодняшний выпуск «Нью-Йорк Таймс».

— Я возражаю! — раздался отчаянный вопль Иноземцева из темноты. — Этому не бывать!

— Придется поступиться на этот раз, — с мягкой настойчивостью отозвалась Элен. — Не все же по-твоему быть должно, дорогой мой супруг.

Вошла горничная, неся на подносе газету.

— Подайте ее нашему дорогому гостю, — велела хозяйка.

Горничная склонилась ко мне, опустив поднос под руки. Я неохотно взял газету.

— Смотрите на первую полосу.

Я приблизился к пламени свечи и прочел заголовок об учреждении межконтинентальных гонок. Я не мог понять, при чем здесь это. И поднял на Элен недоуменный взгляд.

— Я предлагаю вам подать заявку. Придете первым — и я выпью вашу пилюлю.

Воцарилось молчание. Я продолжал глядеть на нее, будто не расслышав предложения. Иноземцев, верно, решил отдать бразды правления своей ловкой в подобных делах супруге и тоже молчал. Либо недоумение лишило его дара речи.

— А если я откажусь? — наивно спросил я.

— Тогда пилюля останется при вас, а богиня Кали — в теле Элен Бюлов.

Вот так ловко в очередной раз она обвела меня вокруг пальца. Разделала под орех.

— Что ж, — сказал я вслух. — Принимаю пари, мадам.

А был ли у меня иной выбор?

— Герши, — отозвался доктор. — Одумайтесь! На чем вы собираетесь ехать? Что за чушь несете! Оставайтесь здесь, мы сможем вместе разобраться с вашей болезнью.

— Брось, Ванечка! Самое лучше лекарство — отправиться в кругосветное путешествие. Эмиль будет здоров уже на третий день пути. Может, и вам стоит, дорогой доктор, присоединиться к пари? Приз тот же! Ведь если Эмиль придет первым, мне ничего не останется, кроме как умереть. Вы не хотите посостязаться за честь и жизнь прекрасной дамы?

— Господь всемогущий, я надеялся на ваше благо-разумие! А вы опять все превращаете в фарс, — начинал тревожиться Иноземцев, оттого его речь стала сбивчивой и несвязной, голос задрожал звоном ломающегося металла. — Что вы... что вы вновь задумали? Отчего вам понадобилось это ралли вдруг? Я подозревал! Подозревал! Вы пытаетесь... Это несправедливо! Нечестно...

— Несправедливо не получать того, чего больше всего хочется, — вкрадчиво заметила Элен. — Разве не было бы здорово повторить подвиг мистера Филаса Фогга, а?

— Все ясно! Это заговор! Заговор против меня...

И вновь его речь оборвалась кашлем. У доктора был невысокий предел его искусственных голосовых связок. Он схватился за салфетку и долго не мог остановить приступ. Наконец он замолк, его плечи еще какое-то время подрагивали, ибо малейшее першение в горле доставляло мучительные страдания. Но вскоре Иноземцев и во все замер. Одной рукой опирался о стол, другой прижимал салфетку ко рту. Голова беспомощно свисала на грудь, как у поломанной куклы...

Воцарилась тишина. А я и понятия не имел, что доктор лишь выжидает.

Большой черной тенью он вдруг метнулся прямо на стол — вскочил одним-единственным легким и сильным движением и бросился по длинной столешнице прямо на нас с Элен, над головой держа свою трость. При приближении он смахнул на пол свечу, что есть мочи пнув по ней. Столовая погрузилась в кромешную тьму.

Сквозь густоту ночи я увидел — нет, скорее почувствовал, — как Иван Несторович замахнулся для удара, но я успел увернуться, перехватить трость из его рук, вывернуть ее. С большой неохотой он разжал пальцы и, потеряв преимущество, отшатнулся. Победа далась мне не без натуги — Иноземцев вдруг проявил невиданную прежде силу и прыть.

Но когда угрожающее оружие оказалось в моих руках, когда противник отпрянул, обезвреженный, что-то чрезвычайно тяжелое, будто каменная скрижаль, опустилось на затылок. Я присел и сделал пол-оборота, успев разглядеть другую черную тень позади себя, и эта тень безжалостно меня поглотила.

— Эмиль! — кричал мне вслед Синий. — Беспредельны Владения Саморожденных Чхая, это Поток Жизни.

— Все есть Поток Жизни, Эмиль. Возроди его! — подхватил Зеленый.

— Внешняя оболочка стала Внутренней. Старое Крыло стало Тенью.

— Солнце согрело его, Луна охладила, придало ему форму.

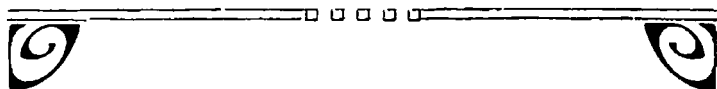
— Ни огонь, ни вода не смогли разрушить его.

— Ибо Он есть Дух, он везде.

— Здесь или где-либо еще.

— Где-либо еще или здесь, — согласился Зеленый. — Он ничто и все в одно и то же время.

Синий и Зеленый всегда изъяснялись пространно, аллегорически, библейским манером. Но стоит мне хоть что сделать не так, душу изведут. Но черная богиня Кали одержала победу. А я, растоптанный ее могуществом, понесся в самое сердце нараки — ада, уготовленного тем, кто вздумал уподобиться богам.

Глава II

Доб-доб Емеля

Меня зовут Эмиль Герши, а вернее, Емельян Михайлович Гершин — я последний из рода русских эмигрантов, полвека назад накрепко обосновавшегося в Париже. Возможно, моя история убережет тех, кто находится в вечном поиске истины, убедит в тщете ее и сохранит жизнь. «Нет правды на земле. Но правды нет и — выше», — сказал поэт, и слова сии оказались главной сентенцией, определяющей все сущее на земле.

Семнадцать лет назад очарованный прекрасной прорицательницей с небес, посулившей мне несметные сокровища Вселенной, я потерял голову. У нее было много имен и лиц. Зои Габриелли, Элен Бюлов, аватара богини Солнца — Тея-Ра. Гоняясь за ней по всей Европе, я успел лишиться всего: службы в конторе «Гру и Маньян», состояния — произошел крах Панамской компании и отца — он исполнил свое обещание: акции прогорели, и он застрелился. А я, вместо того чтобы отчаяться, счел себя начинающим прозревать. Прозревать, благодаря встрече с таинственной колдуньей с небес.

— Мир, — говорила она, — не такой на самом деле, каким мы привыкли воспринимать его посредством органов чувств, ограниченных бранным телом. Он стократ, нет, в бесконечное количество раз шире, более того — он бескраен. Что мы можем увидеть через две узенькие щелочки, именуемые глазами? Истинное зрение обзирает все Мироздание. Разрушь бранный оболочку, и ты